

K556
46Г

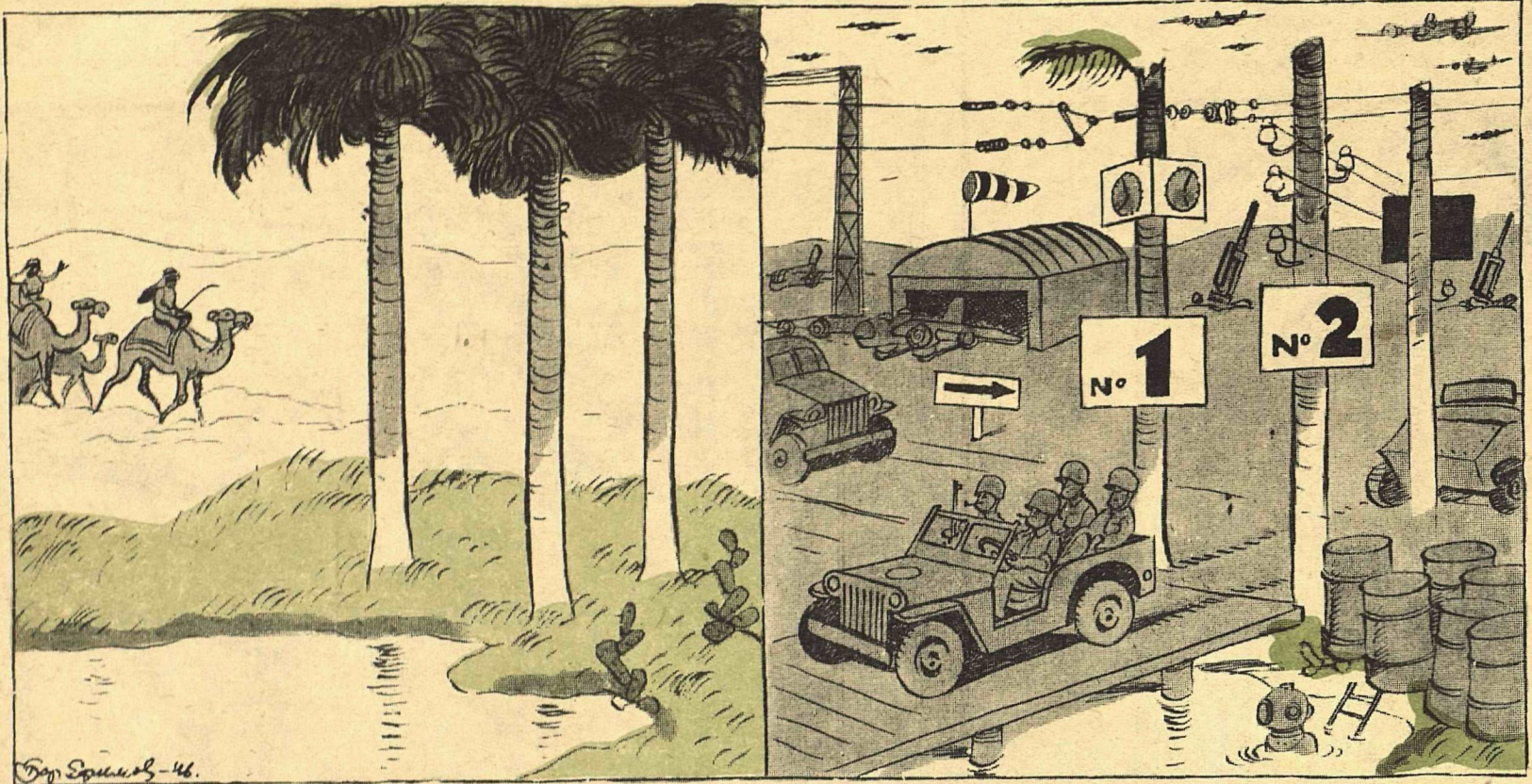
К Р О К О Д И Л

Рис. Л. Бродяги

В КОЛХОЗНОЙ ПАРИКМАХЕРСКОЙ

— Не беспокоит?
— Теперь нет. Беспокоило, когда ты за бритьё трудовыми получал.

В песчаных степях аравийской земли
Три гордые пальмы высоко росли.

Но есть достоверные слухи, что ныне
Три базы растут в аравийской пустыне.

НАШЕЛ

СКАЖИ-КА, приятель: нет ли у тебя пяти центов на кофе? Я сам был газетчиком когда-то... Все знали Ллойда Риббонса, лучшего репортера Херста. И у меня бывали деньжонки. Тяжело такому, как мне, вырашивать пятаки... Что случилось со мной? О, это долгая история, но если хочешь послушать...

Позвал меня как-то редактор и говорит: — Ллойд (он всегда звал меня по имени), у меня есть для вас задание. Выполните его как следует, и я уж позабочусь о вас.
— Сделано, сэр! Что бы там ни было, а выбор ваш пал на верного человека, сэр, — отвечаю я.

— Вы знаете, что мы многое печатали о Советской России, — продолжает он, — но от вас я хочу вот чего: нам нужен личный рассказ безработного из России. Пусть он опишет своё самочувствие. Мне хочется чего-нибудь такого, что можно шутить под заголовком: «БЕЗРАБОТНЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗЫВАЕТ ВСЕ. ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ДЛЯ ГАЗЕТ ХЕРСТА». Вы уловили мою мысль?

— Как нельзя лучше, сэр. Требуется история от первого лица, рассказанная кем-нибудь, вроде тех парней с Первой авеню, что собирают объедки из мусорных ящиков.

— Да нет же, Ллойд! — перебивает хозяин. — Я посылаю вас в Россию, а не на Первую авеню.

— Ну да, — говорю я. — Я только хотел показать, что всё прекрасно поняв.

— Ну вот и чудесно. Езжайте!
Приехав в Москву, я пошёл к одному человеку, адрес которого мне дал хозяин. Но он мне ни в чём не помог.

— Очень сожалею, что не могу помочь соотечественнику, — сказал он, — но безработных я здесь не знаю. По крайней мере, в городах не видно. Поищите в деревнях.

Ну, я и помчался по деревням. Попал однажды в какую-то глухую деревушку, сам не знаю какую. Все мои знания русского языка были почёрпнуты из словаря, но я всё же с места в карьер спросил первого встречного:

— Безработный?
Он оглядывает меня и переспрашивает:
— Вы ищете работы?
Я вижу, что мне не повезло, но всё же пытаюсь снова:
— Вы безработный?
Парень смотрит на меня и смеётся:
— Я! С чего бы это?

Я моментально понял, что не туда попал, и, не спрашивая больше ничего, уехал с первым же поездом.

Хочешь верь, хочешь не верь, но в следующие несколько месяцев я объездил всю Россию вдоль и поперёк, но не нашёл безработных. Конечно, я мог бы написать душешипательную историю, даже не побывав в России, хозяин не стал бы проверять, но у него уже было напечатано до чорта таких «фактов», и он вдруг захотел «действительности», и сам бог велел мне отыскать её.

Наконец-то я напал на след и стал чувствовать себя прежним Ллойдом Риббонсом. Один ремесленник на Украине рассказал мне, что его родственник постоянно пишет о своём безработном брате. Больше мой ремесленник ничего не знал, кроме того, что родственник его живёт за три тысячи миль... Три тысячи миль — путь большой, но если ты объездил всю Россию без результатов, то не будешь задумываться над расстоянием, тем более, что все расходы оплачиваются.

Я поехал. Родственник этот жил у чорта на куличках, где нет ни железной дороги, ни шоссе, ничего. Но я нашёл его! Он работал и пел на самой высокой ноте своего голоса. Я подошёл и спросил:

— Голоден? (Теперь мой русский язык был уже хорош, и он сразу понял меня.)

— Чертовски! — ответил он. — От такой работы у кого не разыграется аппетит! Заходи и присаживайся, гражданин. Перекусим.

Когда я увидел этого парня за едой, то сразу понял, что он не сможет быть автором рассказа в первом лице о безработном, и спросил о его брате. Лицо парня стало серьёзным.

— Бедный брат! — произнёс он. — Вот уж полгода, как он без работы.

Он утёр слёзы, и я чуть не разревелся, глядя на него. Но в то же время я был так возбуждён, найдя наконец то, что нужно, что не мог выговорить ни слова.

— Это ужасно! — наконец, произнёс я и, не медля ни секунды, принялся за работу. — Где живёт ваш брат? Я смогу помочь ему.

— О, гражданин, он живёт далеко!..

Но что теперь для меня расстояние?! Я попросил адрес.

— Я погляжу на конверте, — отвечает он и роется в куче писем.

Наконец, он достаёт и протягивает мне конверт с обратным адресом. Я начал переписывать адрес и — чорт побери! — чуть не свалился со стула. В изумлении я прочитал: «Василий Матвеевич. Почтовое отделение. Ящик № 8. Селина. Канзас».

— Эй!.. — завопил я. — Это же из Канзаса, из Америки!

Парень кивнул головой:
— Ну да. Там живёт мой брат.
— Ну, так что же, дружище?
Я протелеграфировал хозяину:

«НАШЕЛ ЕДИНСТВЕННОГО БЕЗРАБОТНОГО РУССКОГО ТЧК ИМЯ ВАСИЛИЙ МАТВЕЕВИЧ ТЧК АДРЕС СЕЛИНА КАНЗАС ТЧК КОГДА ВОЗВРАЩАТЬСЯ».

В ответ я получил:
«ВОЗВРАЩАЙСЯ К ЧЕРТЯМ ТЧК ИЩИ ДРУГУЮ РАБОТУ».

— Скажи-ка, приятель, нет ли у тебя пяти центов на кофе?

Филипп АЛЛАН
(«Сандей-уркер», США)

Перевод с английского Юрия СМЕРНОВА.

СОСЕД ПО СТОЛУ

НЕПРИЯТНАЯ ПОЭМА

1

В писательском клубе во время обеда
С соседом у нас завязалась беседа,
Сосед был поэтом, заметим при этом, —
С книжонкою, вышедшей этим же летом.
Книжонка в издательстве вышла солидным
Большим тиражом, с оформлением завидным,
С изящным портретиком, кажется, в профиль,
Из цикла портретов а ля Мефистофель...
Мы книгу раскрыли. И с первой страницы
Обрушились в уши нам строф вереницы:

О поле, закрытом туманною мглою,
О грусти, пронзающей сердце иглою,
О дождике сереньком, нудном и длинном,
О птицах, на юг улетающих клином,
О юности, кем-то давно позабытой,
О старой ограде у церкви разбитой,
О муках любви, о сердечной прорухе...

И пр. и т. д. и т. п. в том же духе.
В стихах тут и там появлялись неожиданно
Туманы с болота Ахматовой Анны,
В уютно-теплично-лирическом стиле
И Белый и Гофман по-свойски гостили;
Была современность, с уклоном, однако,
В символику Блока, в игру Пастернака...
В беседе поэт воевал за искусство,
За форму, за краски, за «чистое чувство»,
Где сложной поэзии тонкие гаммы
Идейности в творчестве были врагами...
«В семье, — мы подумали, — не без уroda!»
В издании тридцать... такого-то года
Пред нами предстала личина поэта —
Ушедшей поэзии апологета.

2

...И вот наступили суровые годы:
Бои, отступленья, победы, походы...
Мы слово литое на вахте бессменной
Несли на страницы газеты военной,
И лирика нас не смущала нисколько,
И песня солдатский порыв подымала,
Стихи напряжённые звали и жгли
И часто, не хвастаясь, в битву вели...
А что же сосед по столу, по обеду?
В далёком тылу ожидал он победу,
И что-то писал, и готовил к изданью
Потомкам далёким своим в назиданье...

3

В писательском клубе за клубным обедом
Опять повстречались мы с нашим соседом,
Спокойным и бодрым — заметим при этом, —
С книжонкою, вышедшей этим вот летом.
Мы новую книгу несмело листаем,
Мы новые строфы в той книге читаем:

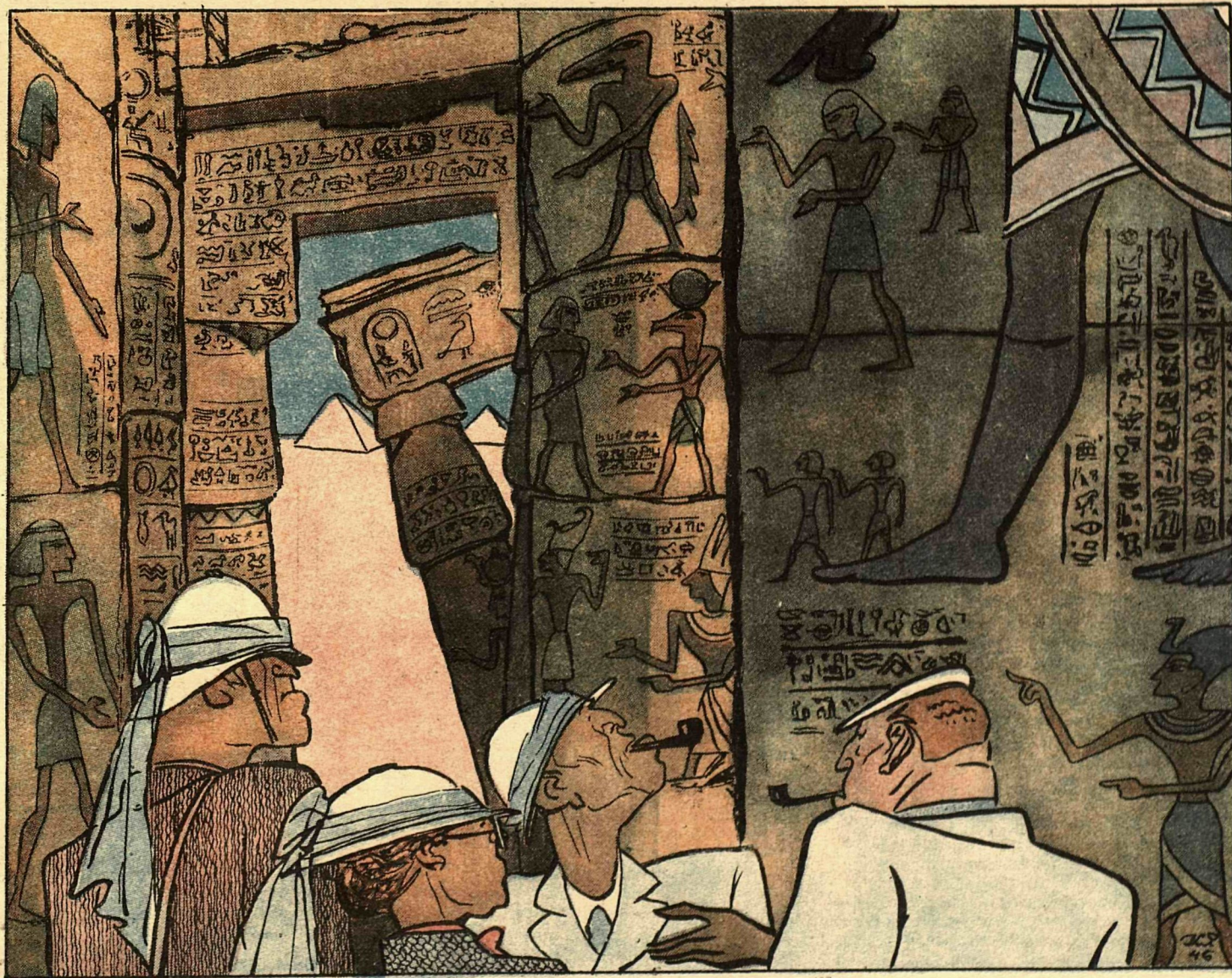
О старой ограде у церкви разбитой,
О юности, кем-то давно позабытой,
О птицах, на юг улетающих клином,
О дождике сереньком, нудном и длинном,
О грусти, пронзающей сердце иглою,
О поле, закрытом туманною мглою,
О муках любви, о тоске, о надежде,

И пр. и т. п. и т. д., как и прежде!
Издание — сорок... вот этого года,
Всё ясно: в издательстве не без урода!

Иван МОЛЧАНОВ

ЕГИПЕТСКИЕ ФРЕСКИ

Рис. К. Елисева

— Ваше впечатление, сэр?
— Невесёлое: почему они все указывают на дверь?

ЕВГЕНИЯ СЕЧЕНОВА, чемпион Европы по бегу В СТРАНЕ ФИОРДОВ

(ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ)

ЛЕТОМ я поехала к знакомым на дачу. В поезде я невольно подслушала разговор двух гражданок. Одна из них, выглядывая из-под опущенной на лоб шляпки пирамидальной формы, безапелляционно утверждала: — Поверьте мне, милочка, я лучше знаю: в Европе все так носят.

— Не спорю, — оправдывалась её собеседница, — я говорю со слов моей знакомой актрисы. Она не раз ездила за границу.

— Не знаю, в каких там заграничах она была, но я слежу за журналами мод и в курсе всех новшеств...

Вскоре мне пришлось выехать в Норвегию. На одной из улиц Осло меня остановила грузная дама и обратилась на ломаном русском языке:

— Окажите мне услугу и посетите мой ателье. Мне очень нравится модель вашего платья. Я хочу снять копию. Оно сидит просто и удивительно изящно. Вы говорите, московская портниха? О! Чудесно!..

В другой раз к нашей спортсменке подошли две дамы в сопровождении джентльмена, который назвал себя Мишелем. Он владел русским языком и рассказал спортсменке, что эти дамы заключили пари.

— Все русские девушки — блонетки и лишены женственности, — утверждала одна из них.

— Не блонетки, а шатенки и рыжие, — спорила другая.

— А теперь, — заявил в заключение джентльмен, — они убедились в том, что никто из них не выиграл пари.

— И это — всё? — спросила спортсменка.

— Нет, — ответил Мишель, — эти дамы считают, что пари выиграли вы. Требуйте! Чего вы желаете?

— Мне ничего не надо. Передайте вашим дамам от меня два билета на «Бишлет». Там они увидят всю нашу спортивную команду.

Радость норвежек была неопишима: попасть на «Бишлет» было так же невозможно, как и на «Динамо» в дни интересных футбольных матчей. Не удивительно поэтому, что заочные зрители получали информацию о происходящих событиях на поле от находчивого норвежского моряка, соорудившего в заборе самодельный телевизор: в большую дыру он просунул руку с зеркалом и, наблюдая за участниками, передавал все детали.

Платных зрителей на стадионе «Бишлет» было тридцать тысяч. Они заслуживают того, чтобы рассказать об их стойкости. На стадионе цементные ступени. Всякий ошастливцев, купивший задолго до соревнования билет, вправе получить площадь в 30×30 сантиметров, на которой умещаются одни лишь ноги. И вот в таком положении надо выстоять много часов, выражая радость и восторг, переживая неудачи и промахи.

Когда прозвучала команда «инита пласне», что по-нашему означает «на старт», — все встре-

пенулись. Даже на своём «Динамо» — и то волнуешься, а на «Бишлете», среди чужого людского моря, сердце особенно учащённо ёкало. В ожидании выхода мы стояли с Александрой Чудиной. Ежеминутно к нам подбегала какая-нибудь девушка и, улыбаясь, подсовывала нам наши же фотографии, умоляя дать автограф. И хотя на школьной скамье я пользовалась репутацией ученицы с хорошим почерком, но здесь от волнения я расписывалась так витиевато, что ни один графолог не смог бы определить моего характера по этой подписи. Вот-вот раздастся команда и прогремит выстрел стартового пистолета. Размять бы немного ноги, но мешают любители автографов. Одни уходят, другие подходят. А тут неожиданно на нас надвинулись пятеро здоровых дяденек.

— Жения! — крикнула Чудина. — Спасайся: на нас движется целая рота!

И вдруг, как гром среди ясного неба, прозвучал голос одного из них:

— Девушки, а где же наши остальные?

Эх, судьба! Ты послала нам в эту минуту наших дорогих пилотов, с которыми мы летели из Москвы. Мы с Чудиной радостно жали им руки. Уходя к трибунам, они закричали нам:

— Девушки, не подкачайте! Первым делом забирайте все медали, а похвальные листы уже потом!

На состязания каждая делегация привезла свои снаряды: копья, диски, туфли на шипах. По правилам, снаряд взвешивают, обмеривают, и если он соответствует международным требованиям, то его ставят в общую пирамиду. Издавна считали, что лучшие снаряды в мире финские. И вот однажды к нам подбегает тренер Васильев и упавшим голосом говорит: — В пирамиде ни одного нашего копья, ни одного диска.

— Куда же они делись? — спросили мы.

— После короткой, но решительной схватки их растащили голландцы, французы и шведы. Они утверждают, что с нашими копьями и дисками им удастся завоевать европейское первенство.

Жили мы все в благоустроенных помещениях. Англичане, проходя мимо нас, здоровались и, не поворачивая головы и не раскрывая рта, невянятно говорили: «Монинг».

А мы отвечали: «Здорово».

Когда же англичане увидели, что мы ежедневно завоевываем звание чемпионов Европы, то они уже с улыбкой произносили: «Гуд монинг!»

И мы в ответ стали говорить: «Добрый день!»

Среди спортивных делегаций оказался... генерал. Самый настоящий генерал. Генерал Ботцарис. Он не бегал, не прыгал, не метал копья и диска. Он возглавлял трёх греческих спортсменов. Один из них — дискбол Силлас, но сил в нём оказалось столько, что он занял

одно из последних мест. Два же марафонца, Кириакидес и Рагазог, приезд которых сопровождался рекламой, не уступающей по масштабу рекламе американского напитка «кока-кола», позорно отстали от советского бегуна — марафонца Пунько. Тогда генерал решил блеснуть последним козырем и устроил пресс-конференцию. Но здесь его добились норвежские корреспонденты, забросавшие вопросами:

— Почему греческое правительство разгромило профсоюзы, а вместе с ними и спортивные организации?

— Почему выборы в Греции сопровождались рукоприкладством?

— Почему в Греции ежедневно убивают прогрессивных деятелей?

Как назойливы эти корреспонденты! Всё им надо знать. Но как отвязаться от них? И генерал Ботцарис нашёл выход из положения. Выпятив грудь, он гаркнул на весь зал:

— Я не располагаю в данный момент достаточными сведениями и ответу на все вопросы письмом из Парижа!

На этом Ботцарис закрыл пресс-конференцию и удалился.

Незадолго до своего отъезда я собралась на почту. Небольшой зал была завален книгами, и несколько здоровых парней грузили их в мешки. Среди служащих почты я узнала Мишеля.

— Что это за книги? — поинтересовалась я. Мишель тяжело вздохнул.

— Не спрашивайте, — сказал он, — мы утопаем в них. Честные люди не могут забыть бывшего писателя Кнута Гамсуна. Ему каждый день со всех концов мира возвращают сотни его книг в знак протеста и ненависти за сотрудничество с немецкими фашистами. Я, знаете, сам работаю на почтамте. У нас тут с ног валились от этих преподношений. Пришлось нанять специально для этой работы несколько человек. А наднях нам сообщили, что идёт новый транспорт книг с Балкан.

— Кажется, у меня тоже завалилась одна книга Гамсуна, — сказала я.

— О, боже! — всплеснул руками Мишель. — Только не шлите её по почте, а лучше сами привезите. Мы ждём вас с радостью в будущем году. Так обещаете?

Иллюстрации Ю. Гавфа

РАЗГОВОР СТРАХОВОГО АГЕНТА С ВЛАДИМИРОМ ЛЕНСКИМ

«Союздетфильм» выпускает главным образом фильмы для взрослых.

Рис. Б. Фрицкина

ЭТОТ необыкновенно странный разговор произошёл в Алма-Ате. Но не на грешной земле, а в прозрачно чистом эфире.

Красноречивый агент Госстраха на все лады убеждал по радио легкомысленного пушкинского героя застраховать свою жизнь. Тем более, говорил он, надо поторопиться с этим мероприятием перед дуэлью...

Жители казахстанской столицы, сидя у радиопродукторов, были страшно удивлены. Они узнали не только о том, что Владимир Ленский продолжает спойкойно здравствовать, но и о том, что кое-где ещё процветают нравы, позволяющие халтурщикам прыгать и резвиться в эфире.

Поставщиком этой дребедени явился некто Полоцкий.

Вот какой «разговор» он сочинил — разговор между страховым агентом и Владимиром Ленским.

Страховой агент уговаривает Ленского застраховать свою жизнь. Ленский вначале не обращает внимания на слова агента. Он занят мыслью о дуэли с Онегиным.

Ленский поёт:

«Куда, куда вы удалились,
Весны моей златые дни?»

Агент прерывает его:

— Вот видите, товарищ Ленский, молодость ушла, а вы ещё не успели застраховать свою жизнь. Торопитесь, пока не поздно.

Ленский не обращает на него внимания и продолжает свою арию:

«Паду ли я, стрелой пронзённый...»

Агент опять прерывает его:

— Если падёте, стрелой пронзённый, ваши наследники получат страховую премию. Подумайте о них!

Ленский поёт дальше:

«Иль мимо пролетит она?..»

Агент тут как тут:

— Если мимо, то получаете страховую премию за дожитие.

В конце концов страховой агент убедил Ленского. И Ленский, взглянув на часы, говорит:

— До дуэли осталось ещё двенадцать минут. Поскорее застрахуйте меня!

Алмаатинским работникам Госстраха очень понравилось, с какой лёгкостью удалось страховому агенту обделать своё дело.

Поэтому они решили халтуру Полоцкого распространить по всему Советскому Союзу. Для этой благой цели «Разговор страхового агента с Владимиром Ленским» был из Алма-Аты отправлен в Москву, в Главное управление Госстраха.

Но здесь «разговор» не встретил одобрения — исключительно вот по какой причине:

«Возвращая при этом присланный Вами материал для радиопередачи, Главное управление Госстраха находит эти представленные Вами тексты неприемлемыми для радиопередачи... Текст, в котором включён Ленский, непригоден, так как он пропагандирует страхование перед самоубийством (дуэлью)...»

Не успели жители Алма-Аты отдохнуть от одной страховой радиохалтуры, как нагрянула другая.

Новая халтура называется «Слово акына».

Вот о чём поёт сын степей, казахский акын:

«И в зелёных долинах и в синих горах
Я заботу твою всюду вижу, Госстрах!»

И дальше:

«Вот идут табуны — как они мне сродни!
Застрахованы, знаю, колхозом они...»

Это — большое стихотворение. В нём немало таких лирических строк, сочинённых Госстраха ради:

«Груши, яблоки, вишни, родные до слёз,
Своевременно их застраховал мой колхоз.»

В конце этого сочинения указано: «Перевёл Ник. Титов». А всё песнопение приписано народному акыну Казахстана Жилкайдарову Иманжану.

Но с этим «переводом» получился скандал: акын Жилкайдаров заявил, что в глаза не видел никакого Титова и что он, акын, никогда не слагал песен о страховании...

Не пора ли работникам управления Госстраха Казахской ССР застраховать местное население от радиопередач, изготовляемых халтурщиками и жуликами?!

Г. РЫКЛИН

— А ведь так правильнее будет!

ОДНАЖДЫ...

МОЛОДЫМ В ПОУЧЕНИЕ

Однажды баснописца И. А. Крылова спросили, почему он, обладая исключительным дарованием, пишет так мало басен.

— Я предпочитаю, — ответил Крылов, — чтобы меня лучше упрекали за то, что я мало пишу, нежели дописаться до того, чтобы спросили, зачем я пишу.

«ВЫ ЕЩЕ ТАК БОДРЫ...»

Однажды генерал Меншиков, заслуживший печальную известность своими неудачными действиями при обороне Севастополя в 1854—1855 годах, производил смотр Апшеронскому полку. Недовольный выправкой солдат одного из батальонов, он сердито сказал командиру:

— В будущем году, майор, я не надеюсь ещё раз увидеть вас командиром батальона...

— Не извольте так говорить, ваше превосходительство, — тотчас же ответил майор. — Вы ещё так бодры...

Этот майор был известный впоследствии русский генерал М. Д. Скобелев.

ФИЛОСОФ И ПОЭТ

Однажды молодой поэт прочёл Вольтеру своё произведение.

— Молодой человек, — сказал философ, — такие стихи вы сможете писать, когда будете знаменитым. Пока же вам надо писать только хорошие стихи.

ТУМАННЫЕ КАРТИНЫ.

Говорят, что мир без песен
Пресен, тесен и невесел,
Но издание рулад
До сих пор не шло на лад.
Чтоб речей избежать спорных,
Мы заглянем с вами в сборник,
Где поэты, ставши в ряд,
Песнопения творят.

Сборник партизанских песен
Издание Союза советских композиторов
Редактор — Атовмьян.

«Ой, туманы мои, растуманы,
Ой, родные леса и луга,
Уходили в поход партизаны,
Уходили в поход на врага...»

Эту песню поэта Исаковского все мы знаем и любим.

Но, туманный путь разведав,
Песнь свою приносил Шведов:

«В ту ночь среди густых ветвей
Кружил в лесу туман.
С отцом двенадцать сыновей
Пришли до партизан.»

Ничего, что Шведов вторит,
Острой за ним повторит:

«Вьются синие туманы,
Блещет белая роса,
Уходили партизаны
Во дремучие леса...»

Для поэтов нет законов —
Где туман, там и Софронов:

«Как берёзовым лесочком,
Где стоял, как дым, туман,
По багряным по листочкам
Ехал лесом партизан...»

Эта рифма, как шлагбаум:
Ни проехать, ни пройти.
За неё в тумане Браун
Зацепился на пути:

«По лугам (по лугам) легли туманы,
Ночка тёмная идёт.
Удалые (удалые) партизаны
Собираются в поход...»

Всех песен восемь, но из них в пяти
Заволокли туманы все пути...
Ой, туманы мои, растуманы,
Заблудились средь вас Атовмьяны...

Л. Н.

ГОВОРИТ ФЕДЯ...

НЕДАВНО мы пришли в гости к Ивану Петровичу Сидорову и нечаянно застали его за неблагоприятным делом.

Пожилой, солидный, всеми уважаемый человек, он сидел в кресле и говорил по телефону. Но как говорил и что говорил! Совершенно не своим, а каким-то нежным и вкрадчивым голосом он явно кого-то мистифицировал:

— С вами говорит... Лемешев. Да, да, ну, разумеется, тот самый... Очень большая просьба... — он произносил слова нараспев, воображая, что этим он достигает сходства со знаменитым певцом. — Я знаю, что в вашей поликлинике не производится запись по телефону... Да, да, грустный факт игнорирования такого полезного предмета, как телефон. Но, может быть, в виде исключения... Мой дядя Иван Петрович Сидоров очень страдает, знаете, даже расска-а-азывать просто нет мочи!.. Не можете ли вы подробно сообщить, когда он сможет к вам приехать, в котором часу его могут принять... Ага?..

Иван Петрович схватил карандаш, бумагу, намереваясь что-то записывать, и в эту минуту увидел нас. А мы уже пятились к двери, чтобы выскользнуть незамеченными. Мы были очень сконфужены, как часто бывает с людьми, когда они оказываются свидетелями какого-нибудь постыдного поступка.

Но Иван Петрович ничуть не смутился. Он широко улыбнулся, приветливо замахал нам рукой и жестами показал, что нам надо войти, садиться на диван и располагаться, как дома.

Мы скромно сели и потупились, а Иван Петрович продолжал в трубку:

— Значит, можно? Записали? Ну, очень, о-очень вам благодарен.

Он повесил трубку и шумно вздохнул.

— Иван Петрович, что же это такое делаете? — спросили мы.

— Безобразие делается! — сердито сказал он. — Прекрасная поликлиника, отличные,

опытнейшие врачи-стоматологи, а в регистратуре сидит девица, которая лишней раз пальцем не желает двинуть, ценит свои слова на вес золота: «Справок по телефону не даём!» Всё! Хлоп! Трубка брошена, и разговор окончен. И извольте тащиться через весь город, чтобы узнать, что вас примут в понедельник в порядке живой очереди.

— Да, но при чём же тут Лемешев?

— А вот, представьте себе! Разволновалась, даже зайкаться начала: «С удовольствием! Для вас! Сию минуту!» Обидно, конечно, кто ж говорит!

— Но подождите, может быть, вы клевете на бедную регистраторшу? Если бы вы просто и честно сказали ей, что звонит гражданин Сидоров, у которого болят зубы...

— Хо-хо, попробуйте-ка! В том-то и штука, что она сидит в этом месте именно для того, чтобы обслуживать Ивановых, Петровых, Сидоровых, по всей вероятности, очень хороших, честных и по-своему очень нужных людей, но они для неё не существуют. Мелочь! С ними нечего стесняться, им можно грубить сколько угодно. А вот Лемешевым я её ударил в самое сердце!

— И не совестно?

— Очень совестно и за себя и за тех, для кого я нынче избрёл этот неблагоприятный метод и кого добрым словом не проймёшь.

— Милый Иван Петрович, всё-таки ваша система ужасна! Но уж раз вы её испробовали, голубчик, не откажите, позвоните в управление, вот вам номер: там наше заявление лежит уже третий месяц. Сделайте! Но позвоните сначала честно, от нашего имени, и только в случае неудачи...

Иван Петрович вздыхает, снова берёт трубку и просит вежливо:

— Это — управление? Очень просил бы вас узнать о судьбе нашего заявления... Что?.. Ничего неизвестно? Не разбиралось? А когда, если можно, будет разб... Что? Когда будет,

тогда и будет? Ну да, понятно, благодарю вас! А если бы я вас очень попросил соединить меня с диррр...

Он умолк, как будто ему заткнули рот, повесил трубку, и мы обменялись взглядами. Тогда в его глазах загорелась решимость, он снова набрал номер и молодцевато:

— Аллю! Привет, очаровательница! Не узнаете, кто говорит? О, как не стыдно не узнавать по голосу своих верных поклонников! Говорит Федя... Не представляете себе? Ха-ха! Ну, вот что, дорогуща, срочно соедините меня с хозяином. Да, да... А когда я с ним разъединюсь, тогда я весь ваш! И я вам тогда шепну на ушко, кто это такой — Федя! Соединили? Ну-ну!

Поговорив с директором и узнав всё, что нам было нужно, мы грустно сказали Ивану Петровичу:

— Иван Петрович, это дурно. Почему какой-то Федя с подлыми, интригующими разговорчиками её интересуется, а Иванов, Петров, Сидоров, чьи нужды хотя бы по долгу службы должны её интересовать, для неё вроде назойливой мухи, от которой можно отмахнуться?

Иван Петрович молчал.

И всё-таки в тот же день мы решили испробовать метод милейшего Ивана Петровича и позвонили в ателье, где собирались заказывать костюм и где приёмщица славится своим тяжёлым для заказчиков характером:

— Аллю, говорит Федя!..

Небольшая пауза, и вслед за тем по барабанной перепонке ударило густое, надрывное контральто:

— Фёдор?! Да как ты смеешь? Больше никогда...

Мы испуганно отскочили и хлопнули по рычажку.

Нет, бог с ним, с этим сомнительным методом. Уж лучше мы будем попржежнему, похорошему говорить:

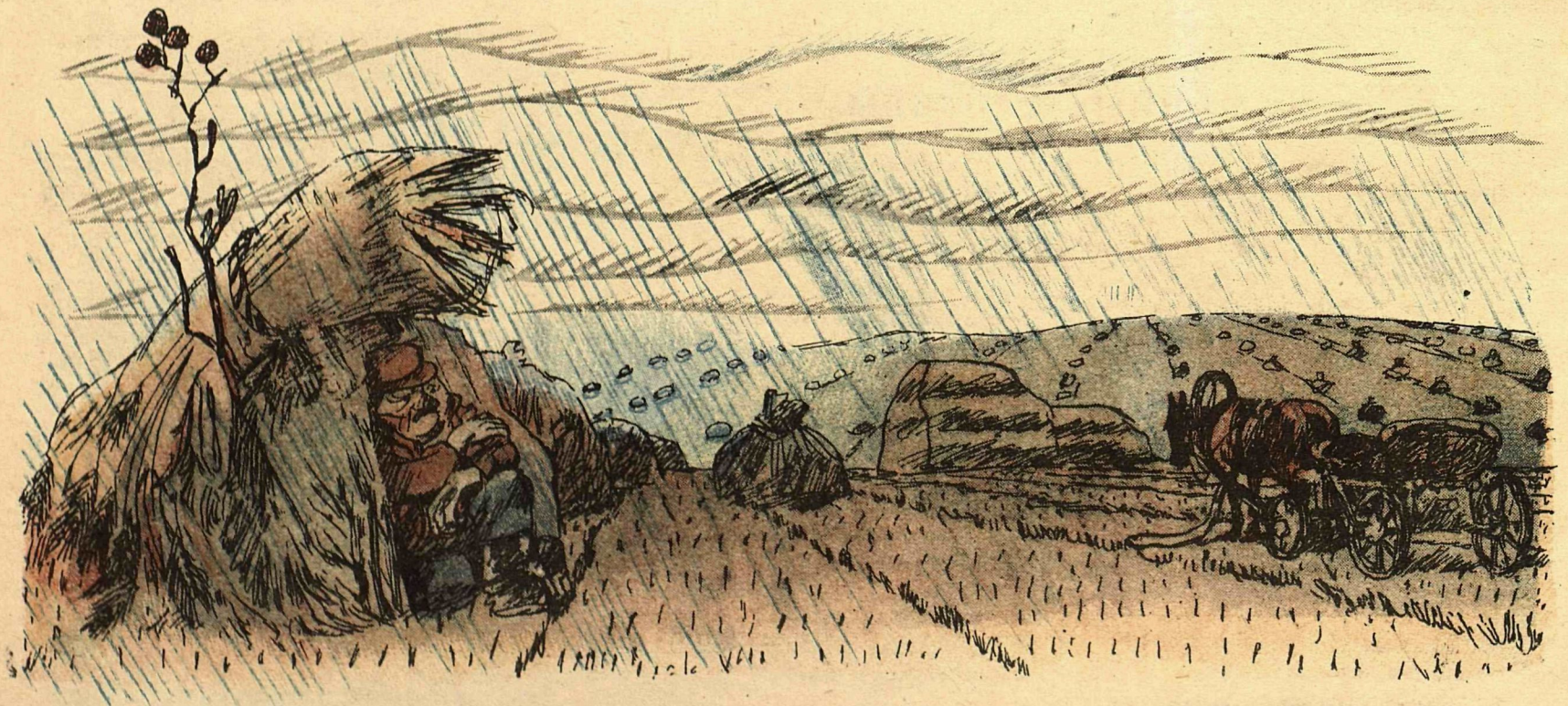
— Будьте добры... очень просим.. не откажите в любезности...

Это старый, испытанный метод. И на большую, лучшую часть собеседников он действует именно так, как надо.

В. КАРБОВСКАЯ

ПОД ДОЖДЕМ

Рис. М. Черемных

ЗАВРАЙЗО: — От дождя я спрятался, но сухим из воды мне, кажется, не выйти...

ВЧЕРА ко мне влетел Михаил Куличкин, человек, который свыше двадцати лет «ходит» в молодых юмористических писателях.

— Кончено! — пробормотал он.

Тяжело вздохнул и повторил:

— Кончено!

Я не понял, что именно кончено, а он посмотрел на мое недоуменное лицо и разъяснил:

— Вообще всё кончено. Я больше не писатель.

Он выхватил из кармана свежую газету:

— Вот. Читай: «Никому не нужная стряпня». Это обо мне!

— Наконец-то и ты дождался прессы! А то всё жаловался, что тебя не замечают.

— Оставь при себе свои шутки!

— Юморист, а не любишь шуток...

— Читай, читай!

Я внимательно прочитал небольшую, но очень резкую и очень правдивую статью о сочинениях Куличкина.

— Ну, что скажешь?

— А что тут говорить? Статья правильная...

— Правильная? — у него даже уши зашевелились. — Не ожидал. Ничего себе — приятель!

— При чём тут приятель? Писать надо лучше!

— Писать? А ты понимаешь, что я юморист? Юморист высмеивает — вот в чём его трагедия!

— Ну, и высмеивай на здоровье.

— Нельзя — опять разделают. Нет, брат ты мой, юмор — опасная штука.

— А я бы не опасался.

— Попробуй, напиши!

— И напишу! Знаешь, у меня уже и тема есть. Вот послушай. Заходит ко мне один писатель-юморист и разводит «теорию» о том, что юмор опасен и что высмеивать никого нельзя...

— Это про меня?

— Да.

— Не напечатают.

— А я всё-таки попробую.

— Попробуй!

Вскоре он ушёл, а я сел за стол и написал этот маленький фельетон.

Н. КЛЕМЕНТЬЕВ

г. Чкалов

ИСПРАВЛЕННОМУ ВЕРИТЬ...

В № 19 Крокодила была напечатана карикатура «Нажлебки» на некоторых руководящих районных работников, сдающих в колхозы свой личный скот на откорм.

Наши читатели из Горловки требуют срочно исправить допущенные художником ошибки.

В карикатуре нарисованы свиньи, якобы принадлежащие директору райторга. В действительности владелец одной свиньи — заместитель управляющего восстановительно-монтажным управлением Ю. Н. Серебрянников, а другой — начальник орска этого же управления М. М. Заславский.

Телёнок, воспроизведённый в карикатуре, никогда не был собственностью заместителя директора МТС, как ошибочно указал художник, а принадлежит заведующему Горловским зомотделом Т. Н. Половцеву. Ему же принадлежит и корова, которую, волею художника, пастух освежает опухомом. И телёнок и корова находятся сейчас на откорме в колхозе имени Ворошилова.

Крокодил охотно исправляет свою ошибку. Художнику, искавшему действительное положение вещей, сделано замечание. Справедливость должна восторжествовать!

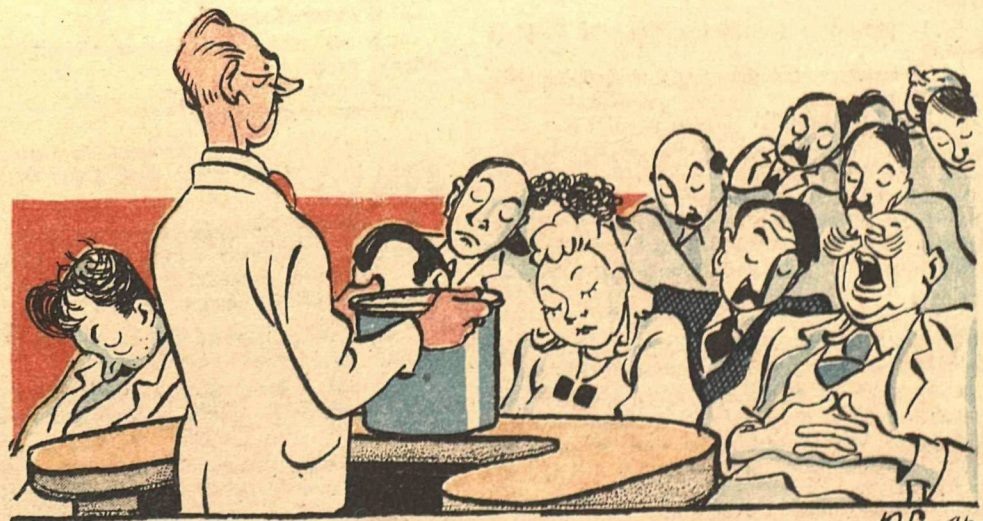
— Чтобы доклад не получился очень сухим, беру побольше воды...

...Насыпаю как можно больше цифр...

...И как можно меньше соли...

...По вкусу добавляю свежих цитат из последних газет...

...Всё это я готовлю без огня, подаю в холодном виде. Словом, за вкус не ручаюсь, а скучно будет!..

— У нас, как видите, производство поставлено на широкую ногу.
— Потому-то вы и перестали выпускать детскую обувь.

НЕПРЕДУСМОТРЕННЫЙ ОРАТОР

СЕМЬ дней и семь ночей трудился секретарь директора Чиркин: шутка ли — надо было написать десять речей для выступающих в прениях плюс доклад для директора. Правда, кое-что, так сказать, в порядке рационализации, Чиркин использовал из стенограмм прошлогоднего собрания актива, но всё же...

На восьмые сутки, усталый, но довольный, Чиркин положил своё творчество на стол начальства:

- Готово, Иван Семёнович, прения готовы.
- Как прения, а мой доклад?
- И докладик к вашим услугам.

Директор куспромобъединения «Горшок-посуда» одобрительно погладил рукой объёмистый доклад:

- А самокритики подпустил?
- Так точно, подпустил, всё предусмотрено.
- Не слишком густо?
- Нет, что вы, в меру, в самый, то есть, аккуратно.
- А критику в прения вставил, как я приказывал?
- Не извольте беспокоиться: и критика предусмотрена.
- Не пересодил?
- Не сомневайтесь.
- Речи распределил?

— Так точно, всё предусмотрено: о достижениях в области перевыполнения будет говорить Курочкин, о недостатках в области качества — Судейкин, в области усиления — Митрофанов...

* * *

Двухчасовой доклад, написанный Чиркиным, директор закончил патетическим призывом:

— Я, дорогие товарищи, призываю вас дополнить меня и вскрыть все больные места и имеющиеся недостатки. И на этой, дорогие товарищи, основе поставить критику и самокритику из угла в угол... Кхе... Кхе... То есть во главу, значит, угла!

Вытерев пот и закурив, докладчик сел на председательское место, рядом с представителем из центра.

Дальше шло всё как по маслу. Курочкин прочитал с трибуны речь «в области перевыполнения», Судейкин — «в области качества», Митрофанов — «в области усиления».

Когда высказывался восьмой оратор, директор вагнулся к уху представителя из центра:

— Дадим ещё одному высказаться и будем закруглять. А?

— Посмотрим, — неопределённо ответил представитель.

— Слово имеет тов. Варфоломеев, — объявил директор-председатель и привычно уткнулся в газету.

В зале вдруг раздался смех. Директор нахмурился и потянулся к колокольчику. Но когда он взглянул в зал, рука застыла на полпути. К трибуне гуськом один за другим шли двое. Не понимая, в чём дело, директор беспомощно оглянулся. Бледный, как луна, из-за кулис вылетел Чиркин.

— Иван Семёнович, — трепетно зашептал он директору, — который впереди, — это не тот Варфоломеев, это непредусмотренный Варфоломеев, а тот, который за ним двигается, — это и есть тот, предусмотренный Варфоломеев...

Директор прозно посмотрел на впереди идущего и грозно спросил:

- Вы Варфоломеев?
- Я Варфоломеев.
- Вы записывались в прения?
- Я записывался.
- А вы тоже Варфоломеев? — спросил директор второго.
- Я тоже Варфоломеев.
- Также записывались?

— Нет... То есть, извиняюсь, нас записал товарищ Чиркин ещё вчера и речь вот выдал для памяти...

Первый Варфоломеев уже стоял на трибуне и выжидающе смотрел в сторону президиума.

— Говорите, товарищ Варфоломеев, — сказал представитель из центра.

Варфоломеев-первый при наступившей в зале тишине начал свою речь:

— Я тут человек хоть и новый, недавно демобилизовался из армии, но уже достаточно узнал...

Чем дальше говорил оратор, тем темнее и темнее становилось лицо директора. И когда оратор кончил речь, директор-председатель встал и сказал:

— На этом есть предложение прения окончить.

Но тут встал представитель из центра и мягко возразил, глядя в зал:

— А по-моему, товарищи, прения только начинаются.

— Правильно! — дружно ответил зал. Представитель чуть-чуть улыбнулся и представил слово Варфоломееву-второму.

Д. БЕЛЯЕВ

ЧУЖАЯ ТЕРРИТОРИЯ

ВСЁ шло мирно, гладко, без конфликтов — и вдруг... О, это «вдруг»!

Но не будем забегать вперёд, а расскажем всё по порядку.

Действие происходит в двух пунктах Горьковской области: в колхозе имени Кирова, Шатковского района, и на конезаводе Починковского района.

Председатель артели Костров решил приобрести для колхоза пять лошадей. Дирекция завода охотно согласилась удовлетворить просьбу Кострова, не требуя государственного наряда. Костров охотно вручил дирекции круглую сумму, не требуя расписки в получении денег.

Итак, заводские лошади перешли в колхозную конюшню, а колхозные деньги — в карманы заводских дельцов.

Всё шло мирно, гладко, без конфликтов — и вдруг...

И вдруг бухгалтерия колхоза принялась за составление отчёта. Выяснилось, что не хватает документов на 62 тысячи рублей. Запахло неприятностями.

Тут необходимо представить ещё одно действующее лицо — председателя Шатковского райисполкома Николая Ильича Гирина. Николай Ильич лично прибыл на общее собрание колхозников и убедил их, что для пользы дела целесообразнее списать с Кострова 62 тысячи. Неприятностью перестало пахнуть.

Следующий персонаж — районный прокурор Евстафьев. Ни с Костровым, ни тем более с Гириным ссориться ему не хочется, но и отмолчаться боязно. На всякий случай тов. Евстафьев посылает в райисполком протест против незаконного решения колхоза.

Переходим к заключительной сцене. Она происходит на заседании райисполкома. Обсуждается протест прокурора. Слово берёт Костров. Он предельно откровенен: в зале сидят люди, с которыми у него установилась крепкая повседневная связь. Одним из них Костров периодически подвозит на колхозных лошадках дровишки, другим — на колхозных же лошадках вспахивает приусадебные участки, третьим — подбрасывает продукты. И, глядя сейчас на родные лица, председатель колхоза просто, но увлекательно повествует о том, как дружески приняли конезаводчики взятку, как быстро ему, Кострову, были отпущены лошади.

Воодушевлённый прямотой Кострова, последовал его примеру и тов. Гирин.

— Совершил ли Костров, — воскликнул он, — невыгодную для колхоза операцию? Нет, не совершил. Вручил ли он конезаводчикам взятку? Согласен, вручил. Но, товарищи, на какой территории вручена взятка? На чужой, на починковской, а не на нашей. Пусть же починковские власти и волнуются. Предлагаю отклонить протест прокурора. Кто за?

«За» были все присутствующие. В том числе и прокурор.

В. БОГАШЕВ

Шатка, Горьковской обл.

ИЗ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

(Записано на собраниях)

Надо чистить авдеевы конюшни...

Я против кандидатуры товарища Кривенкова — очень уж у него много отрицательных недостатков.

Энергичный товарищ! Моторный парень, заводной!..

Директор его уволить не может, потому что он макулатурный работник гдагга. Ясно?

Надо взять во главу угла самый квинтэстракт данного вопроса.

В конце концов надо принять превентивные меры.

Записал О. ШУМКО

Рудник Тетюхе, Приморский край.

Звельевой колхоза «Червоный партизан» (Днепропетровская область) лауреат Сталинской премии Марк Озерный собрал 948 пудов кукурузы с гектара.

Дружеский шарж Е. Бьгана

ЭТО было так интересно, а главное, ново. В какие только игры не переиграли ребята за день! И в Чапаева, и в терем-теремок, и в мяч, и в пограничников. А в сапожника никогда ещё не играли. И вот Петька вышел во двор, держа в одной руке молоток, в другой — старое голенище, и крикнул:

— Кому починить, залатать, подбить, затянуть?..

Ребята сразу же обступили его плотной стеной.

— Мне надо каблук приделать, — протянула Зиночка «сапожнику» ножку в стоптанном сандалике. — Только, пожалуйста, повыше сделайте. Сантиметров на пятнадцать.

Петька снял с протянутой ему ноги сапожки. Наморщив лоб, повертел его, согнул, постучал зачем-то пальцем по подошве, — словом, сделал всё, что видел в мастерской, где работал отец.

Пока он принимал первый заказ, запротестовали остальные ребята:

— Ну и придумал игру!

— Вы будете вдвоём играть, а мы?

Мастерской грозил бесславный крах. Но расхившихся ребят остановил Васька:

— Стойте! Придумал. Все будем играть. Я буду заведующий.

— А чего делать заведующему при одном-то сапожнике?

— А это всё равно — один или десять, — отрезал Васька. — Только без заведующего нельзя.

Ты, Клава, будешь приёмщицей, Сима — уборщицей, Люся — бухгалтером, Наденька — ревизором, Маша — сторожихой, Гришка — агентом по снабжению, Мишка — агентом по сбыту...

— А заказчики? — испугался «сапожник». — Как же без заказчиков?

Поспорив немного, они оставили «заказчиком» тихого, безответного Санчика. Малышу всегда доставалось в игре всё, что не хотели брать старшие. В «партизанах» он играл «фрица», в «поезде» — последний вагон, а в «пограничниках» он был пограничным столбом.

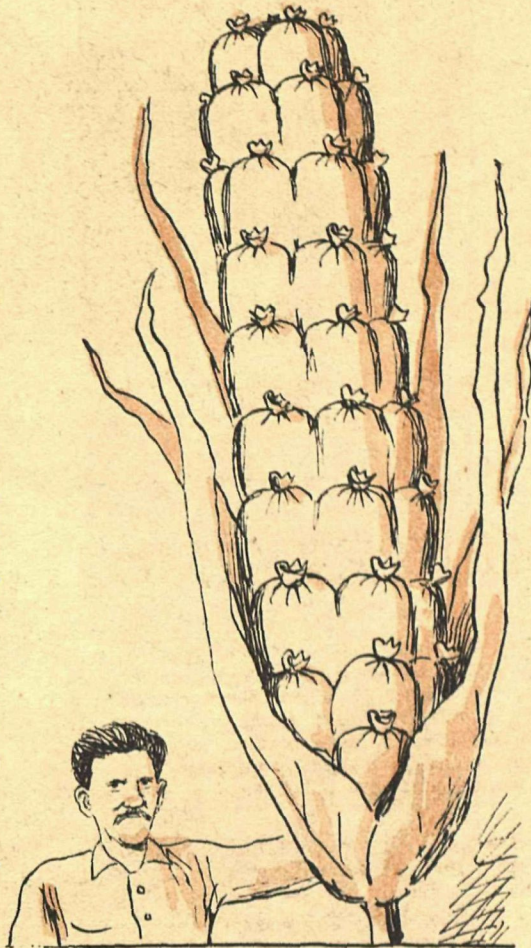
Игра понравилась всем. Зашумели во дворе, зазвенели ребята голоса. Васька управлял, Петька починял, Клавоочка принимала, Симочка убирала, Люся считала, Наденька проверяла, Машенька сторожила, Гришка снабжал, Мишка сбывал...

Все были страшно заняты, так заняты!.. Ботинок ходил с рук на руки. Его принимали, оценивали, учитывали, охраняли, проверяли... пока не оторвали подошву. И тогда только вспомнили о «заказчике» и вернули ему рванный сапожок.

Увлечшись интересной игрой, никто из ребят не заметил, что «сапожник» давно ушёл со двора. Но и без него мастерская продолжала работать всю, продолжала писать, считать, принимать, снабжать, проверять.

Порой точно так происходит в одной известной мне артели, где «забавляются» не дети, а взрослые.

Георгий КУБАНСКИЙ

ПО ПРИВЫЧКЕ

Рис. А. Камневского

— Наш Сидоров так привык раздувать штаты, что на своём огороде целых четыре чучела поставил...

Он — это тот, кто (буду краток)
Не пожалел своих трудов,
Чтоб скромный вырастить початок,
Примерно, в тысячу пудов!

ЧТО ТАКОЕ НОЛЬ?

До сих пор весь мир считал, что «всякое число, умноженное на ноль, даёт в результате ноль». Но это — старое, отжившее правило. Есть новое. Выдумала его учительница школы села Грязновки, Кагафонического района, Павлодарской области, тов. Тынжанова. Она на уроке арифметики доказывает своим ученикам, что $0 \times 7 = 7$. В соответствии с этим она изменила и правила умножения чисел, оканчивающихся нолями. Так, например, по методу Тынжановой, умножение 500 на 100 производится так:

$$\begin{array}{r} \times 500 \\ 100 \\ \hline 500 \\ 500 \\ 500 \\ \hline 55\ 500 \end{array}$$

В этой же школе сделаны новые открытия и в географии. На этом поприще деятельно подвизается тов. Кулишова. Она уверяет своих воспитанников, что существует остров Герляндия. Земной шар, по её мнению, «состоит из гидросферы, то есть твёрдой оболочки», а недра земли «изучаются рытьём колодезев».

Может быть, эти научные открытия тт. Тынжановой и Кулишовой доставляют им удовлетворение, но это никак не устраивает родителей учеников, потому что у ребят от общения с такими преподавателями в голове остаётся ноль.

Выносят сор из театральной избы!

ЗА ДВЕРЬЮ

ДВЕРЬ была приоткрыта. Извиваясь, как змея, выползали из-под неё густые, сизые струи едкого дыма.

Чей-то властный голос отчётливо прозвучало:

— Следующий!

Ему назвали имя и фамилию.

— Посадить на гвозди! — был приговор.

Мне стало жутко. Мурашки побежали по моей спине. Куда я попал?

— Следующий! — командовал некто в комнате, и приговор, ещё более суровый, заставил меня содрогнуться:

— Оторвать ему голову!

Бежать, немедленно бежать! Скорее вызвать милицию! Приостановить это неслыханное преступление! Но новый голос, раздавшийся в комнате, заставил меня остановиться. На этот раз говорил человек, которому, судя по всему, грозили невероятные мучения:

— Режьте меня на части, всё равно я не превращусь в доски.

Что же это такое в самом деле?

А новые, ещё более страшные ощущения ожидали впереди.

— Иванова режут, — сообщил совершенно бесстрастно кто-то, — он не может в таком положении подбросить камень.

Как можно говорить спокойно о таких невероятных вещах?! Что за кровь должна течь

в жилах людей, бесстрастно наблюдающих за мучениями Иванова!

А некто в комнате жаждал крови. Приговоры следовали — один чудовищнее другого.

— Человек 30 бросьте на песок! — командовал он.

— Снимите Захарова с трибуны и посадите на фонтан.

Сам Нерон не смог бы придумать более невероятного. В ту же секунду из комнаты донеслось:

— Сегодня же привезите львов, и пусть его люди справятся с ним, как знают.

Больше я не смог вынести. Я упал в кресло и застонал.

— Что с вами? — участливо спросила меня какая-то девушка.

— Там, — указал я на дверь, — что там такое?

— Обыкновенное совещание. Обсуждают вопрос строительства стадиона.

И она рассказала, что стадион этот будет очень красив. У его входа будут красоваться фонтан и каменные львы. И что плохо с материалами, за которые какому-то Иванову всё равно «оторвут голову».

Ал. ПОДЧЕКАЕВ

Авторизованный перевод с украинского
Киев.

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ
ТЕЛО И ДУША

Прощаясь с директором, управделами Светиков говорил:

— Если бы не врачи, ни за что бы не поехал в отпуск. Всё равно душой я буду здесь, с вами, и только телом — на Кавказском хребте.

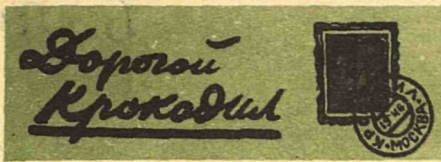
Потом он попрощался с председателем завкома, с заведующим парткабинетом, с руководителем кружка текущей политики, секретарём комиссии содействия госкредитов и другими должностными и общественными лицами. Всем Светиков в тех или иных словах объяснял, где будет находиться на время отпускного периода его душа и где — тело.

Уже сидя в вагоне, Светиков ещё раз перечитал телеграмму, составленную и заверенную перед отъездом у знакомого врача: «Беспокоюсь делах завода тчк Возвращение отпуска задерживается внезапной болезнью тчк Всей душой производств тчк Светиков».

ИЗ ЖИЗНИ УЧЕНЫХ

Один энтомолог изучал быт и нравы обыкновенных мух. Ему понадобилось узнать, что больше привлекает этих насекомых — сахар или варенье. Производя опыт, учёный заметил, что мухи охотнее всего садятся на случайно оказавшийся на столе сборник критических статей по вопросам литературы.

Тогда энтомолог записал в свой дневник: «Странно, но остальным сладостям мухи предпочитают шаток».

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Уважаемый Крокодил!

Всесоюзное объединение «Заготживсырьё» и Центральный комитет профсоюза кожевников прислали Псковской конторе «Заготживсырьё» поздравительную почтограмму, в которой отмечают хорошую работу коллектива конторы по заготовкам животноводческого сырья и выражают уверенность, что «хорошая оценка работы вызовет среди заготовителей новую волну соревнования», и т. д. и т. п.

Мы, псковичи, готовы были разделить радость заготовителей, но дело в том, что нет и не было никакой конторы «Заготживсырьё» в Пскове, и мы в затруднении: кто, собственно, должен поблагодарить Всесоюзное объединение «Заготживсырьё» и ЦК кожевников за столь оперативное руководство периферией?

В. МИХАЙЛОВ,
секретарь Псковского ГК ВКП(б)

Дорогой Крокодил!

Рекомендую твоему вниманию новую постановку «Страшная месья». Не по Гоголю, конечно. Автор-постановщик — начальник абрамовской милиции Коршунов.

В пьесе три акта. В первом рассказывается о том, как Коршунов осчастливил наш клуб своим посещением вместе с женой, двумя детками и домашней работницей.

Во втором акте выразительно показано, как я попросил Коршунова со мной занять места согласно купленным билетам. И тут назрел драматический конфликт: семья Коршунова никогда принципиально билетов не покупает, и высокому начальству ничего не осталось делать, как выйти из себя и из клуба.

В третьем акте развязка. Коршунов вызывает меня и вручает мне решение о том, что я

оштрафован на 200 рублей за нарушение порядка — допуск детей на вечерние сеансы. Каких детей? Оказывается, его, коршуновских, детей! Никаких других ребят в клубе не было! Теперь меня интересует, к какому жанру драматургии отнести эту пьесу. Если считать, что плакали мои 200 рублей, — это трагедия. Но, с другой стороны, главное действующее лицо — Коршунов — смеётся. Значит, это комедия. А как ты думаешь?

А. ПЕРОВ,
начальник клуба мельзавода № 5
с. Абрамовка, Воронежской области.

Уважаемый Крокодил!

Эта история в девяти резолюциях началась ещё 12 апреля нынешнего года. Верхне-Бурейнский райисполком в силу ряда местных причин снизил колхозам план сева и своё решение направил на утверждение Амурскому облисполкому. Здесь председатель облисполкома тов. Балашов и его заместитель тов. Кондратенко, не торопясь, исписывали документы в течение почти трёх месяцев такими резолюциями: «ваше заключение?..», «дать заключение...», «дать подробное заключение...», «заготовить ответ...», «заготовить подробный ответ...» и т. д.

Наконец, 26 июня заместитель заведующего облзо тов. Лисюк заготовил подробный ответ в виде следующей резолюции: «Писать уже поздно, так как сроки сева прошли. Однако тов. Кондратенко, чуть ли не через месяц вспомнил о переписке, срочно и категорически потребовал, чтобы ответ был послан «соответствию моего ему указания». Бумажка с этой, восьмой грозной резолюцией была тут же... положена в шкаф облзо.

Ты спросишь: где же последняя, девятая резолюция? Я надеюсь, что её напишешь ты.

М. ШАРАПОВ,
зам. уполномоченного Госплана СССР
г. Хабаровск.

От редакции. Девятая резолюция уже написана самой жизнью. По полученным нами сведениям, из-за этой истории план сева выполнен колхозами района лишь на сорок восемь процентов.

Товарищ Крокодил!

Извини, что пишу тебе это письмо карандашом. В Воронеже нет чернил. Единственное место, где продаются чернила, — это магазин «Книгокультторга». Но тут чернила отпускают в одни руки только по 25 литров. И не меньше. Зачем мне так много чернил? Ведь для того чтобы написать тебе о нераспорядительности «Книгокультторга», достаточно нескольких капель. В крайнем случае, можно обойтись карандашом. Что я и делаю.

ПИВОВАРОВ,
майор

Воронеж.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

В связи с помещённой в № 22 Крокодила корреспонденцией «Специальная Ивановская» получено следующее письмо:

Помещённая корреспонденция правильно указывает недостатки в работе хлопчатобумажных предприятий Ивановской области, а также неорганизованность отдельных руководителей фабрик и главных управлений.

В целях улучшения работы хлопчатобумажной промышленности Ивановской области Министерством текстильной промышленности СССР проверено деятельность ряда предприятий ивановских главкдов и заслушано сообщения начальников главных управлений на коллегии министерства.

По этим отчётам были приняты решения, направленные к устранению выявленных недостатков. На специальном совещании директоров предприятий Главмащдетали приняты решения по увеличению выпуска деревянных вспомогательных материалов.

Выпуск небелёного и неопалённого сатина запрещён. Приказом № 376 даны указания об усилении контроля за качеством продукции и на виновных в нарушении качества продукции наложены взыскания.

Для оказания помощи предприятиям Ивановской области и контроля за проведением принятых решений в Ивановскую область министерство направило бригаду специалистов.

Министр текстильной промышленности СССР

И. СЕДИН

ЗНАТОК

Рис. Г. Валька

— Наша футбольная команда на сегодняшний день опять в прорыве. Мобилизуем внутренние ресурсы, поможем им, для какой-то цели подкинем им трёх тяжелоатлетов.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКОВЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются.

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедн. с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 р. 20 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда».

Москва.

Изд. № 626

Подп. к печати 15/X 1948 г.

Отатформат 72×105 см. Печ. л. 1½.

Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

А 06606.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 2295.

Тираж 150.000 экз.

